

Достоинство простоты

— На соискание Государственной премии СССР —

Скромное достоинство простоты в выражении поэтической мысли — родовая черта Константина Ваншенкина — было замечено Александром Твардовским, выделившим этого поэта из среды его сверстников и всегда тепло поддерживавшим. Но сама простота высказывания, как это часто бывает, есть следствие демократизма позиции. Стихам К. Ваншенкина присущи гуманность сопереживания, уважение к человеку трудовому, скромному, твердо знающему цену человеческим добродетелям. Сама история у него переворачивает страницу, «палел послушник». Его герой не рвет на груди рубаху. Он спокоен, ироничен или добродушно лукав. Он поэт меры, взвешенности, гармонии. Он пронзительно приметлив к течению будней и вовсе не пренебрежителем к ним. Но внимание к точным черточкам быта, очерковость не препятствуют в лучших стихах поэта выявлению духовного смысла.

Качества эти нашли свое полное выражение и как бы сфокусированы в последнем по времени сборнике новых стихов К. Ваншенкина «Жизнь человека» (изд. «Советский писатель», М., 1983), выданном на соискание Государственной премии СССР. В книге этой продолжают многие сквозные темы поэта, и потому, говоря о «Жизни человека», я буду обращаться и к его творчеству в целом.

Биографически К. Ваншенкин захватил войну, и это не могло не сказаться на его творческом сознании. О чем бы ни начал говорить поэт, — вот и в этой книге то же самое — он начнет или с войны, или с бега лет, украденных той же войной.

Была зима перед весной,
Как и в другие времена.
И дождю июньскому и к зною
Была весна устремлена.
И только резкостью июню
Подробности помнится одна:
Перед войной была война.

Да, такая досталась нам доля, история наша отмечена такими зарубками памяти. И потому, быть может, ответ последней войны ложится на всю жизнь человека...

«Николай Иванович», «Инавалиды», «Он давно простился с теми...» — напоминают нам такие стихи последних лет, в которых К. Ваншенкин не раз возвращался к теме личной вины, когда ее и нет, а все же, все же... «Были женщины в войну...» «Как ты пережить сумел все это?» — стихи честные и горькие. Не прямо, поэтически тонко выражена боль несуществующей вины и в таком шедевре:

Приехали — а все цветет:
Семь вишен, яблоня и слива.
Понятно, это каждый год,
Но так приехали счастливо.
Мгновенный радостный испуг —
Ведь я забыл о вешнем дыме.
Как если бы вошел — и вдруг
Родных увидел молодыми.

Вятная сердцу мысль о

вечном нашем долге перед отцами и матерями...

Так слитно, органично в этой поэзии чувство войны, времени, вины, беда и радости человека на фоне все той же вечной природы! В стихотворении о движении лет, в котором есть и сожаление, и признание неумолимости «перемен», — как вздох, — финал:

Только предвечерняя звезда
Не сдастся времени на милость.
И, со мной пришедшая сюда,
Ты, как небо, мало изменилась.

Природа и любовь учат нас вечности. В стихотворении «Душа ребенка» есть еще один источник вечности — родина, первые впечатления бытия. В доброй старой русской традиции это этическое и эстетическое единство.

В критике много говорилось о живописности стиха К. Ваншенкина. О склонности его к зрительным образам. Это так. Но мне хотелось бы обратить внимание читателя на содержательную сторону этого качества. В стихотворении «На Северной Двине» бакен сравнен с «желтой свечечкой» потому, что на берегу «в закатном окладе» парит церковь, но само соседство сегодняшних реалий (кстати, «стойкость» звука теплоходной sireны тверже, реальнее, словно во сне, призрачно «парящей церкви») говорит о том, что бывшее — лишь часть пейзажа Родины, но не ее духовная суть. Молодой веселый бородач, «образованный звонарь», раскатывающий колокола, удалю похож на ямщика, «будто резвой тройкой правит». Свое, родное, но не то, что вчера, не о том, о чем звенел вчера, поет колокол в новом, ином воздухе... Интересно отметить, что новое и старое в жизни настолько решенный вопрос для поэта, что они не противопоставляются специально, а лишь рифмуются: «обитель» — «автолбитель»... И это несоединимое, казалось, соседство слов говорит нам больше специальных комментариев.

Психологизм поэзии К. Ваншенкина — еще одна родовая черта этого дарования. Тут у него позади давняя русская традиция. Простая зарисовка состояния, мгновение, запечатленное навек, вроде этого «Моментальная вспышка sireны, что сверкнула почти как гроза, положила лиловые тени на стекло, на платок, под глаза...» Тень под глазами — уже не краска. А судьба. Замечательное стихотворение (и готовая песня!) «Посередине стол стоит...» Одно определение «посередине» приковывает внимание, делает несущественным окружающее, это крупный план, как сказали бы в кино, — «посередине стол стоит, а на столе — повестка. А парню завтра предстоит далекая поездка».

А будет в ней большой салют,
Тяжелое раненье.

Потом в семью медаль пришьют
На вечное хранение.

Глаз поэта, наблюдательность его завидно талантливы. «Свет погасил. И мигом сад в снеговом плену непостижимым сдвигом приблизился к окну». Или «Вот ушли подробности от взгляда, сделалось темней...» Эта мгновенность впечатления сама рождает стихи, высекая искру поэзии из какого-нибудь трепещущего в вагонном окне платочка, огней самолета в сумерках или странного звука, от которого сжимается сердце:

То ли мокрого куста
Свист под ветром слаб и тонок,

То ли выпал из гнезда
Неумелый вороненок...
Вы, гуляя налегке,
Понимаете плечами,
Слыша где-то вдалеке
Звук, исполненный печали.

Отзывчивость на чужую боль, слитность с миром, готовность сказать исповедально и серьезно: «Взращен судьбой простого, где даль и отчий кров, и грозной чистотой поступков и снегов». Здесь — фундамент его мировосприятия, залог народности его поэзии. И начало песни. Ведь в песне, как в никаком другом поэтическом жанре, сказывается общая душа пишущего и поющего. Секрет песенности стиха в полной слитности слова и внутренней мелодии, в «просторности» слова, в его общеупотребительности, простоте. И в той, дословной еще, волне общего настроения на родство душ, о котором К. Ваншенкин хорошо сказал в одном из стихотворений:

При знакомстве — как укор
Скованности общей —
Откровенный взгляд в упор,
Словно свет над роццей.

Так написаны лучшие песни К. Ваншенкина — от «Алешки» до «Романса», а в книге «Жизнь человека» — «Темное», «Лишние слезы».

Ваншенкин не любит учить. Не любит он и разжевывать поэтическую мысль. В недосказанности ее таится особая прелесть готовности человека к приятию нового ощущения, душевной predisposition к чувству, открывающемуся ему на поэтическом горизонте. Многие стихи К. Ваншенкина начинают начало процесса познания мира. Это как в стихах его:

Удар часов течет недлинно
Во тьме, и в нем неясность есть:

Час? Или это половина
Второго? Третьего?...

Бог весть.

И, нан обещанного дара,
Сивоз сон прерывисто дыша,
Последующий удара
Еще мгновенье идет душа.

И кто знает, не есть ли этот дар — предзнаменование общего нашего ожидания лирики иных горизонтов, синтеза многих богатых направлений отечественной поэзии, в каждом из которых, в том числе и в том, которое представляет Константин Ваншенкин, есть свои мастерски отточенные грани?..

Владимир ОГНЕВ.